

ПОВЕСТЬ А. П. ЧЕХОВА «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ» В ПЕРЕВОДЕ Б. ШЛЕЦЕРА

Рассматривается один из трех имеющихся французских переводов повести А. П. Чехова «Скучная история» (1889), сделанный в 1926 г. Борисом Шлецером, последователем философии Льва Шестова. Для характеристики перевода применен концептный анализ, показывающий, что при общем следовании экзистенциальной трактовке чеховского произведения Шлецер недостаточно внимателен к его текстовой структуре, что ведет к определенным смысловым трансформациям.

Ключевые слова: А. П. Чехов, «Скучная история», концептный анализ, художественный перевод, Борис Шлецер.

Существенной характеристикой художественного перевода является его адекватность, т. е. сохранение коммуникативного воздействия оригинала. Для оценки адекватности перевода важно знать, какие смыслопорождающие механизмы присущи тексту оригинала и в какой степени они передаются в его иноязычной версии. Эффективным инструментом для решения этого вопроса может служить концептный анализ. Он позволяет выявить структурную основу оригинального текста, в частности реализацию ключевых для него концептов, бережное воссоздание которых в переводе средствами принимающего языка будет способствовать наиболее адекватному усвоению произведения в новом культурном пространстве.

В повести А. П. Чехова «Скучная история» центральным концептом, организующим сложную систему словесно-образных мотивов, посредством которых реализуется трагический смысл произведения, является *скука* [1]. Основные семантические составляющие заглавного концепта – *однообразие*, характеризующее жизнь мира, который окружает героя, и *отчуждение*, представляющее собственное самоощущение Николая Степановича, – постепенно проявляют свою экзистенциальную суть, что предопределяет переход смысла повести с бытового уровня (повествование о старости знаменитого ученого) на бытийный. Именно комплекс экзистенциальных мотивов раскрывает реальный характер и масштаб «скуки», которой подвержен главный герой произведения. В повести неизбежно появляется философский подтекст, сохранение которого представляет одну из главных проблем для переводчиков.

«Скучная история» переведена на французский язык трижды. Первый перевод был сделан в 1923 г. французским литератором и искусствоведом Морисом-Дени Рошем (Moris Roche, 1868–1951) [2, 3]. В то время появление его перевода как этого произведения, так и других чеховских рассказов и повестей служило общей задаче ознакомления французских читателей с прозой русского классика. Третий и последний на сегодняшний день перевод осуществлен в 1960 г. Эдуардом Парейром (Edouard Parayre).

В 1926 г. был опубликован перевод повести, выполненный Борисом Шлецером (Boris de Schloezer, 1881–1969), выходцем из России, уехавшим в 1921 г. во Францию с первой волной эмиграции и до самой смерти прожившим в Париже. Н. Д. Свиридовская, посвятившая одно из своих исследований творчеству Шлецера, характеризует его как «мыслителя, обладавшего неординарной фантазией, особым видением культурной ситуации и неповторимым литературным дарованием» [4, с. 137]. В московском и брюссельском университетах Шлецер профессионально изучал социологию, но помимо этого превосходно разбирался в философии, эстетике, был музыкальным и литературным критиком, писателем и переводчиком. «Как и другим уехавшим из страны художникам, ему выпала роль “посредника” между двумя великими культурами – русской и французской» [4, с. 137].

Шлецер перевел произведения многих русских писателей (Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и др.). Благодаря его переводам французы познакомились с одной из работ философа-экзистенциалиста Льва Шестова «Творчество из ничего», в которой тот указывает на автобиографический характер «Скучной истории», рассматривает ее как публичную исповедь писателя и, самое главное, находит подтверждение собственных философских мыслей: об ограниченности научного познания в стремлении человека получить представление о себе и окружающем мире; о несостоятельности существующих общих идей и воззрений, за которыми не видно многогранного мира, не вписывающегося ни в какие системы; о трагизме жизни отдельно взятой личности. Шлецер написал несколько статей, посвященных Шестову, которые тот очень ценил, чувствуя, что его идеи близки их автору. Все это дает основание предположить, что Шлецер вполне осознавал глубинный смысл «Скучной истории», доступный ему через сочинения философа.

При работе над переводом чеховского произведения первой трудностью, с которой пришлось столкнуться переводчику, стала передача названия, имеющего принципиальное значение для адекватного

восприятия всей повести, тем более что оно содержит ключевой концепт. Шлецер озаглавил «Скучную историю» как «Une morne histoire», где слово «morne» означает «мрачный, угрюмый, хмурый; неинтересный» [5, с. 709], отражая, таким образом, только часть семантики русского прилагательного «скучный», имеющего в контексте произведения значение не только обычности, банальности, но и гнетущей тоскливости. Другие два переводчика, избрав для своих текстов заглавие «Une banale histoire» (обыкновенная история), оказались еще дальше от оригинала. Однако, как показало сопоставительное исследование концепта *скука* с его ближайшим французским аналогом *ennui* [6], при передаче названия чеховского произведения средствами французского языка смысловые отступления от русскоязычного текста неизбежны: преобладающей семантикой русского концепта *скука* являются тяжелые душевные состояния, тогда как у французского доминирует семантика некоего внешнего препятствия или обусловленного внешними же причинами нежелательного состояния (которое можно преодолеть активностью, например развлечением). Именно по этой причине перевод как названия, так и всей чеховской повести на французский язык осложняется: отсутствие полноценного аналога русской *скуке* с ее отличительным семантическим потенциалом во франкоязычной культуре делает «Скучную историю» весьма непростой для воспроизведения.

При передаче лексических элементов, отражающих в повести семантику однообразно длящейся жизни, у Шлецера можно выделить три основные тенденции. Это, во-первых, распад оригинальных мотивов на более мелкие части, каждая из которых укрупняется за счет дополнительного использования своих репрезентантов в словесной ткани произведения. Например, в представлении лексического мотива с основой «обыкновен-», являющегося наиболее многочисленным в «Скучной истории» и от этого весьма важным, Шлецер использует слова не только с основой *ordinaire-*, семантически соответствующие оригиналу, но и *d'habitude* (обычно, по привычке), *usuel* (обычный, обиходный), *généralement* (вообще), *selon une coutume* (по обычаю); при этом некоторые из них получают свое дальнейшее развитие в качестве лексических мотивов искусственно, например *généralement*:

Чехов: «<...> у нас обедают еще две-три подруги дочери <...>» [7, с. 275];

Шлецер: «<...> nous avons **généralement** à dîner deux ou trois amies de ma fille <...>» [8, с. 60] (**вообще** у нас обедают две или три подруги дочери).

Чехов: «<...> больше всего достается тому, что мы больше всего любим <...>» [7, с. 286];

Шлецер: «<...> c'est à ce que nous aimons le plus <...>, que **généralement** nous nous en prenons» [8, с. 84] (это за то, что мы любим больше всего... за что **вообще** мы принимаемся).

Во-вторых, в тексте Шлецера при воспроизведении семантики *однообразия* наблюдается мотивное перераспределение. Так, указанный выше лексический мотив *généralement* смешивается с другим крайне важным для повести мотивом – «общей идеей», которая передается переводчиком как *idée générale*, что в целом работает на бытовое истолкование данного понятия. Однако это только одна из смысловых граней словосочетания, которая отражает наиболее очевидную семантику слова «общая» как соответствующая обыкновенности человеческой жизни с ее тяготящим душу постоянством. В итоге описанное мотивное перераспределение препятствует экзистенциальной трактовке «общей идеи», заслоняемой в тексте преобладанием лексических элементов с семантикой *однообразия*.

В-третьих, у Шлецера происходит частичное опущение перевода некоторых лексических мотивов, но вместе с этим и употребление соответствующих вербальных представителей мотивов там, где этого нет в оригинале.

Все это приводит к структурным изменениям в семантической системе произведения, что выражается в подчеркивании «ненужных» факторов повседневной действительности, вызывающих скуку героя, и устранение этих акцентов там, где было задумано автором. В результате семантика *однообразия* в переводной версии Шлецера в сравнении с оригиналом ослабевает.

Полнее и точнее переводчику удалось воспроизвести семантику *отчуждения*. Погрешности при воспроизведении лексических мотивов, реализующих значение внутренней обособленности героя от окружающего мира и даже от собственного имени и представляющих нюансы переживания им состояния *скуки*, незначительно ослабляют общую семантику *отчуждения*, но не являются принципиальными.

Шлецеру не удалось в полной мере передать экзистенциальную семантику, накапливаемую целым рядом мотивов, из-за выбора неточных, неединообразных или неадекватных лексических единиц. Так, мотив *страха* представлен целым рядом синонимов, которые контекстуально детализируют значение оригинальной лексики: *craindre* (бояться) – *peur* (страх), *effrayer* (страшить), *terreur* (сильный страх) – *terrible* (ужасный, грозный), *éprouvanter* (ужасать), *atroce* (ужасный, жестокий). Подобные уточнения неизбежно порождают семантические отклонения, отвлекают внимание от главного содержания *скуки*, переживаемой героем.

В целом же Шлецер воспроизводит все (конечно, в разной степени) основные семантические составляющие ключевого концепта. Относительно точное воспроизведение семантики *отчуждения* и ослабление семантики *однообразия* можно расценивать двояко: с одной стороны, это является безусловным отступлением от оригинала, но с другой – убавление акцента с бытовой трактовки переживаемой героем скуки способствует концентрации внимания на ее бытийном истолковании. К тому же переводчику удастся, хоть и не в полной мере, передать мотивы непосредственно экзистенциального содержания, что обуславливает сохранение общей философской направленности произведения.

Однако приходится все же отметить, что Шлецер не уделил должного внимания структуре чеховского текста с понижающими его мотивами, за счет которой в оригинале вопреки форме повествования от первого лица позиция героя дополняется и корректируется авторской. В переводе диалог этих двух сознаний не сохранился и весь смысл произведения оказался сведен к уровню героя.

Таким образом, предпринятый концептный анализ одной из франкоязычных версий «Скучной истории» показал, что воспроизведение концептного «каркаса» произведения при его переводе на другой язык – задача большой важности. Она неотъемлема от художественного перевода как такового, но ее значимость неизмеримо возрастает, когда оригинал представляет собой, как чеховская проза, специфически тонкую текстовую структуру, участвующую в создании смысла как минимум наравне с прямым высказыванием, а зачастую и в гораздо большей степени. Перед переводчиком такая задача ставит сложнейшую проблему, полное разрешение которой не всегда гарантировано в силу объективно существующих культурно-языковых различий. Однако и они могут быть в большей или меньшей степени компенсированы благодаря выбору переводческих решений, позволяющих подобрать адекватные ресурсы в принимающем языке. Во всяком случае эта проблема требует учета и осознания, а в качестве необходимого практического шага предварительным этапом перевода может служить анализ смыслообразующих структур в тексте оригинала.

Список литературы

1. Сопова С. П. Мотивные составляющие концепта скуки в повести А. П. Чехова «Скучная история» // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 43–47.
2. Ласточкина (Сопова) С. П. Повесть А. П. Чехова «Скучная история» во французских переводческих интерпретациях // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2010. Вып. 8 (98). С. 16–18.
3. Сопова С. П. К вопросу о причинах переводческих трансформаций художественного произведения // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 4 (145). С. 112–118.
4. Свиридовская Н. Д. Борис Шлецер: введение в творчество // Научный вестник Московской консерватории. 2010. № 1. С. 137–153.
5. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 1998. 1174 с.
6. Сопова С. П. Повесть А. П. Чехова «Скучная история» во французской рецепции: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. С. 122–131.
7. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1977. 735 с.
8. Tchekhov A. Une morne histoire. Traduction de B. de Schoezer. Les auteurs classiques russes. Éditions de la Pléiade. Paris, 1926. 145 p.

Сопова С. П., старший преподаватель.

Юргинский технологический институт Научно-исследовательского Томского политехнического университета.
ул. Ленинградская, 26, Юрга, Кемеровская обл., Россия, 652055.
E-mail: svetlana_lastoch@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19.01.2015.

S. P. Sopova

A. P. CHEKHOV'S NARRATIVE "A DREARY STORY" IN B. SHLOEZER'S TRANSLATION

The author considers the method of concept analysis as a research tool in literary studies, which could be also used in literary translation. The article states that the concept "dreary" has a dominating role in A. P. Chekhov's narrative "A Dreary Story". This concept represents semantic monotony and estrangement, which gradually reveals its existential potential. Therefore a philosophical subtext is logically found in the narrative, but its preservation in a translation is a great challenge for a translator. The author analyses one French version of Chekhov's narrative. It was written in 1926 by a sociologist, writer, translator, music and literary critic, Boris de Shloezer. He oriented himself to one interpretation of this narrative which was done by a philosopher-existentialist, Lev Shestov. It allowed the translator to communicate a general philosophical idea, an existential tragic element of "A Dreary Story". Nevertheless

he did not pay enough attention to the text structure with its pervaded motives, which are organized by the title concept *dreary*. As a consequence Shloezer did not succeed in making an adequate French translation of “A Dreary Story”.

Key words: Chekhov, “A Dreary Story”, concept analysis, translation into the French language, Shloezer.

References

1. Sopova S. P. Motivnyy sostavlyayushchiye kontsepta skuka v povesti A. P. Chekhova “Skuchnaya istoriya” [Motive components of the concept dreary in A. P. Chekhov’s narrative “A Dreary Story”]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian philological journal*, 2014, no. 2, pp. 43–47 (in Russian).
2. Lastochkina (Sopova) S. P. Povest’ A. P. Chekhova “Skuchnaya istoriya” vo frantsuzskikh perevodcheskikh interpretatsiyakh [A. P. Chekhov’s narrative “A Dreary Story” in French translators’ interpretations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2010, vol. 8 (98), pp. 16–18 (in Russian).
3. Sopova S. P. K voprosu o prichinakh perevodcheskikh transformatsiy khudozhestvennogo proizvedeniya [About some reasons of translator’s transformations of fiction]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, vol. 4 (145), pp. 112–118 (in Russian).
4. Sviridovskaya N. D. Boris Shletser: vvedeniye v tvorchestvo [Boris Shloetzer: introduction into literature]. *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii – Scientific Bulletin of the Moscow Conservatory*, 2010, no. 1, pp. 137–153 (in Russian).
5. Gak V. G., Ganshina K. A. *Novyy frantsuzsko-russkiy slovar’* [New French-Russian Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1998. 1174 p. (in Russian).
6. Sopova S. P. *Povest’ A. P. Chekhova “Skuchnaya istoriya” vo frantsuzskoy retsepsi*. Diss. kand. filol. nauk [A. P. Chekhov’s narrative “A Dreary Story” in French reception. Diss. cand. filol. sci.]. Tomsk, 2014. Pp. 122–131 (in Russian).
7. Chekhov A. P. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisyem, Vol. 7* [Complete set of works]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 735 p. (in Russian).
8. Tchekhov A. *Une morne histoire*. Traduction de B. de Schoezer. Les auteurs classiques russes. Éditions de la Pléiade. Paris, 1926. 145 p.

Sopova S. P.

Yurga Institute of Technology TPU Affiliate.

Ul. Leningradskaya, 26, Yurga, Kemerovo region, Russia, 652055.

E-mail: svetlana_lastoch@mail.ru